

ИЗ СОЛДАТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ О РУССКОМ ПОХОДЕ 1812 ГОДА

Одной из важнейших задач исследователей любой исторической эпохи является поиск и публикация новых источников, в том числе мемуаров, в частности, иностранных. Особенно актуальна эта задача для историков войны 1812 г., поскольку 99,9 % переводов источников этого вида было сделано ещё до революции. Правда, переводы эти не всегда качественные, зачастую это просто весьма вольные пересказы со значительными сокращениями. После этого за 70 лет господства «марксистской науки» были опубликованы только мемуары А. Коленкура! Поэтому в последние десятилетия ряд отечественных историков активно привлекает показания иностранных мемуаристов, но основное внимание при этом отдаётся воспоминаниям генералов и офицеров, как наиболее интересным для историков и читателей. Оно и понятно, ибо кругозор и уровень информированности лиц командного состава гораздо шире, чем у рядовых, от которых, к тому же, осталось гораздо меньше воспоминаний. Таким образом, подобный подход вполне объясним, но он не совсем справедлив и объективен, ибо историк обязан учитывать впечатления от войны всех её участников – от генерала до солдата, чтобы воссоздаваемая им картина прошлого получилась наиболее объективной и достоверной. Такие соображения двигали нами при подготовке данной публикации. Разумеется, мы не могли дать полный перевод текстов и ограничились только самыми интересными, на наш взгляд, сюжетами.

Воспоминания Карла Шееля, «самого юного нижнерейнского ветерана Великой армии 1812 года», как он сам назвал себя в первом издании своей «автобиографии», выдержали уже несколько изданий⁷. Если судить по количеству переизданий, в немецкой литературе эти воспоминания являются, пожалуй, столь же популярными, как мемуары Ж. Куанье, П. Бургоэня, а во французской – М. Марбо. Осенью 1811 г. в родном городе Шееля разместился на квартирах штаб 2-го карабинерского полка. Импозантный вид этих кавалеристов настолько поразил озорного школьника, что он в возрасте 14,5 лет добровольцем поступил в полк в качестве второго трубача 7-й роты. В русском походе Шеель участвовал в сражениях при Бородино и Тарутино и был взят в плен казаками Платова 28 октября 1812 г.

Второй автор, Жозеф Аббеель (род. 31.10.1786), напротив, совсем не известен публике. В 1806 г. он был взят по конскрипции и попал в 5-ю роту 2-го карабинерского полка.

Оба приведённых ниже источника наглядно демонстрируют, какие факты откладывались в памяти младших чинов «Великой армии», как, впрочем, и любой другой. По выражению О. В. Соколова, подобные мемуары «слишком «приземлены» и описывают лишь заботы, связанные с устройством ночлега, питанием и сапогами... Это, конечно, интересно и нужно для работы по истории армии, но записки, вращающиеся вокруг bivачного костра, сообщают лишь малую часть интересующей нас информации»⁸.

Для двух полков карабинеров поход в Россию начался 3 марта 1812 г., когда их бригада переправилась через Рейн в Везеле. 14 марта они прибыли в Кассель, откуда продолжили путь до Лейпцига, где маршал М. Ней провёл им смотр. Следующим пунктом стал Кюстрин, где они провели 15 дней. В это время каждому отделению выдали один котёл, большую флягу, косу, серп и топор, а каждый карабинер получил маленький мешок или торбу из полосатого тика для муки или сухарей. Бригада карабинеров вместе с 1-м кирасирским полком, ротой 4-го шеволежерского полка и двумя ротами конной артиллерии об-

⁷ См.: Schehl C. Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der großen Armee von 1812. Krefeld, 1862; *Ibid.* Mit der großen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Düsseldorf, 1912; *Ibid.* Der kleine Trompeter. Erlebnisse des Rheinländer Karl Schehl in Rußland 1812, von ihm selbst erzählt. Wien, 1928; *Ibid.* Vom Rhein zur Moskwa 1812. Zweite vollständige Auflage. Krefeld, 1957. Второе из указанных изданий сильно сокращено и слишком вольно переработано с точки зрения языка, третье также представляет переработку текста, только иллюстрированную. Последнее издание сделано И. Олмесом по первоисточнику, хотя тот не всегда соответствует современному чтению, и дополнено обширными комментариями. Мы также сохранили его тяжеловесный стиль.

⁸ Соколов О. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 9.

разовали 4-ю дивизию тяжёлой кавалерии генерала Ж. М. Дефранса. Вместе со 2-й дивизией тяжёлой и 2-й дивизией лёгкой кавалерии она образовала 2-й корпус кавалерийского резерва генерала Л. П. Монбрёна. Переправившись через Вислу в Торне, корпус двигался через Хозништайн, Зеебург, Ангерсбург, Даркенем, Вирбаллен в Мариамполь; в его окрестностях смотр корпуса провёл Монбрён, а затем Наполеон.

ИЗ МЕМУАРОВ ШЕЕЛЯ

«В районе Тильзита каждый карабинер получил на случай нужды связку сена, в диаметре толщиной примерно в восемь дюймов, длиной по размеру чемодана, которую пристегнули сзади ремнём, и тройной рацион овса, который в фуражном мешке был прикреплен к седлу. Связки сена были стянуты очень туго и аккуратно обрезаны, чтобы прибавка багажа выглядела не совсем дурно. Но, я думаю, что эти 35-40 фунтов легли тяжёлым бременем на наших бедных лошадей, которые уже были вынуждены большей частью питаться только зелёной рожью. Одновременно каждое капральство получило несколько кольев (Piketts), длиной в три фута и три дюйма в диаметре, одну деревянную дубину (Holzaxt) и тяжёлый котёл белой жести. На биваке колья забивали рядами в землю, связывали фуражными верёвками и к ним привязывали лошадей.

23 июня при ужасной жаре мы продвинулись до Немана, русской пограничной реки. Когда мы расположились лагерем, распространился слух, что прошлой ночью на рекогносцировке возле этой реки император упал со своей лошади в песок, но не поранился. Это событие многократно обсуждалось, и суеверные хотели усмотреть в этом дурное предзнаменование...

Теперь наши последующие марши стали большей частью очень затруднительными, частью из-за плохого снабжения, частью из-за глубокого песка, частью из-за множества бездонных трясин, в которых наши фланкёры, чаще всего гусары или конные егеря, иногда застревали, а иногда внезапно погружались так глубоко, что мы спасали их и лошадей от почти неминуемой смерти с помощью срубленных стволов молодых деревьев и фуражных верёвок...

Тогдашние поляки, литовцы и лифляндцы зачастую уже покидали свои жилища ещё до того, как мы до них добирались. Но они не предавали их огню, как позже русские все свои [дома], и, таким образом, дома всё ещё стояли, хотя и полностью разграбленные...

Однажды в конце июля в районе Полоцка, города на правом берегу Двины, примерно в 20 милях от Витебска, где мы стояли на биваке, я увидел одного пехотинца с номером 124 на кивере. Я окликнул его и спросил, близко ли его полк, на что он указал мне место, которое было удалено от нашего лагеря примерно на четверть мили. На мой вопрос о капитане Шееле он ответил, что только что видел его в лагере.

Немедленно я устремился теперь к моему командиру эскадрона, господину фон Беркхайму¹⁰, и попросил его о четырёхчасовом отпуске, который был мне любезно разрешён, после чего я направился к лагерю 124-го [полка] так быстро, как позволяли мои большие артиллерийские сапоги. Я тотчас нашёл моего брата. Нашу взаимную дружбу легче представить, чем описать. В тот день 124-й [полк] получил мясо, и в его лагере очень радостно задымились котлы с супом. Однако в хлебе уже много дней ощущался недостаток. У меня ещё был один фунт хлеба в моём чепраке, и я поспешил, когда суп был почти готов, назад к нашему биваку, чтобы его принести. Затем я превосходно полакомился с моим братом и многими офицерами 124-го [полка].

Когда пришёл конец моему отпуску, брат сопровождал меня назад к нашему лагерю, где он представился моему капитану, шефу эскадрона и полковнику. Ещё пару часов мы оставались вместе, а затем попрощались, чтобы никогда более не увидеться на этой земле, поскольку, к сожалению, мой брат Лудольф в сражении при Островно, которое состоялось два дня спустя, получил русскую ружейную пу-

⁹ Ф. Сегюр пишет, что 23 июня Наполеон направился к Неману, «когда он подъехал к берегу, его лошадь вдруг споткнулась и сбросила его на песок. Чей-то голос крикнул: «Это плохое предзнаменование! Римлянин отступил бы непременно!» Неизвестно, впрочем, кто произнёс эти слова».

¹⁰ Гюстав де Беркхайм (Berckheim), шеф эскадрона 2-го карабинерского полка.

лю в нижнюю часть живота, которая положила конец его полной надежд жизни¹¹. Эта печальная весть была сообщена мне лишь летом 1814 г. в письме моего отца...

17 августа 1812 г. мы стояли, выстроившись вне дальности выстрелов, перед Смоленском, старой монгольской крепостью на берегу Днепра, обнесённой стеной в 40 футов высотой и 18 футов толщиной, имевшей 29 башен. Позади нас находился полк гвардейских конных гренадер, лейб-гвардия Наполеона, с их высокими медвежьими шапками. Около двух часов пополудни мимо нас рысью проехал довольно комплектный полк баварских шеволежеров, который был послан в атаку. Мы оставались спокойно стоять на своём месте и видели упомянутый полк, возвращавшимся около четырёх часов, но *horribile dictu!*¹² – прекрасный полк был силой только в двадцать семь человек, другие были целиком сражены русской картечью! Так в этом ужасном походе иногда исчезали целые полки.

В ночь с 17 на 18 августа, как только стало совсем темно, местность стала представлять великое зрелище. Высоко расположенный Смоленск стоял полностью в огне. К гранатам, которыми город обстреливался днём, прибавились теперь ещё раскалённые ядра. Позднее мы также узнали, что русские сами подожгли все магазины. Развернулся густой дым, пламя поднималось до облаков, и были далеко слышны сильный свист и треск. Башни крепостной стены с нашей стороны казались чёрными, с противоположной стороны – как освещённые бенгальским огнём.

Многие тысячи лагерных огней русских на северной стороне реки с нашими [огнями] на южной её стороне составляли в этом масштабе, вероятно, небывалое огненное кольцо. Насколько хватало глаз, не было ничего, кроме огня, только огонь, так что ночные облака сияли, как будто бы приближалась утренняя заря.

20 августа мы переправились через реку Днепр выше Смоленска через брод, в котором вода доходила нам до края чепрака. Затем с той стороны мы поскакали через совершенно испепелённый пригород, где наши лошади местами обожгли копыта. Здесь я впервые увидел множество обугленных человеческих скелетов, лежавших в ещё дымящихся развалинах, посреди которых стояла даже железная колыбель с детским скелетом.

Теперь мы находились в собственно России, где на всём нашем пути не видели более ни одного дома, так как русские сжигали все свои жилища, если они должны были их покинуть...

Отныне дела мало-помалу становились всё более отвратительными. Хотя раньше нерегулярное продовольственное снабжение также было досадным явлением, но всё же вручалось немного мяса и хлеба, и когда что-то отсутствовало, выручал мой мешок с мукой. Иногда мы также имели пару дней отдыха, когда мы усердно заботились о чистке нашей одежды. Но теперь всё стало намного хуже! Неделями нечего было и думать о чистом белье, одежда постоянно оставалась на теле. Только тяжёлые сапоги один другому помогал снимать, чтобы их можно было почистить. Любой поймёт, что при таких обстоятельствах каждый из нас, офицер так же, как и солдат, вёз с собой свою собственную маленькую армию из необыкновенно больших в России пивов, которые мириадами обитали в этой области, и что эти незваные гости лишь увеличивали наши мучения. Но нужда делает [человека] изобретательным, и даже при этих ужасных бедствиях мы открыли, наконец, средство, которое, по крайней мере, на некоторое время, приносило нам некоторое облегчение. А именно, мы снимали свою нижнюю одежду, свёртывали её как канат и, крепко держа один за верхний, другой за нижний конец, проносили над пламенем нашего костра...

Наш полк очень берегли. До моего пленения он участвовал только в двух сражениях, а именно у Бородино 7 сентября и у Винково 18 октября. Мы всегда находились в одном или двух дневных маршах позади авангарда, и, таким же образом, мы лишь на третий день пришли на поле боя у Валутино и должны были на нём

¹¹ 124-й линейный полк находился во 2-м армейском корпусе и в бою при Островно не участвовал. На самом деле, лейтенант и старший адъютант Шеель (Schehel) был убит в сражении при Чашниках 31 октября; этим и объясняется тот факт, что младший брат так долго не знал о его судьбе (Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire. Paris, 1899. P. 355).

¹² Страшно сказать (лат.).

расположиться биваком. Этот день и последующую затем ночь я никогда не забуду, если даже достигну мафусаиловой старости¹³.

Уже в лесу, собственно перед полем боя, лежали сотни тел во французской и русской пехотной униформе, которые при сильной жаре в 26–27 градусов по Реомюру¹⁴ стали настолько чёрными и распухшими, что обмундирование угрожало лопнуть в любой момент. Множество деревьев, а именно берёз, раздробленных орудийными ядрами, наклонили свои кроны к земле, как траурные венки над павшими воинами. На месте, где произошло главное сражение, посреди массы павших людей и лошадей, мы устроили привал и разбили свой бивуак... Но, поскольку всё место лагеря было прямо-таки усеяно трупами людей и падалями лошадей, а воздух был совершенно наполнен ужасным запахом разложения, то почти невозможно было дышать. При этом выяснилось ещё одно ужасное затруднение, что в округе почти одного часа [пути] нельзя было найти никакой пригодной для питья воды, поскольку во всех ручьях и озёрах лежали полуразложившиеся тела, которые сделали воду совершенно непотребной...

Отныне мы двигались чаще всего по большой дороге, которая вела из Смоленска в Москву. Эта дорога в 300 футов шириной была засажена с обеих сторон двумя рядами берёз, так что всадник или пешеход всегда мог оставаться в тени при жаре, которая, как сказано, нередко достигала 26–27 градусов по Реомюру...

6 сентября наша дивизия, которая состояла из обоих карабинерских полков, 1-го кирасирского полка и полка бергских улан¹⁵, выстроилась в области Бородино. При этом случае было распределено множество крестов [ордена] Почётного легиона, и одновременно приказано, что дивизия на следующий день явиться в полном парадном обмундировании. Вечерние часы 6 сентября были теперь употреблены на то, чтобы привести в наилучшее состояние предметы обмундирования и вооружения, что, однако, помогло не много, так как после полуночи пошёл мелкий затяжной дождь, который нашу работу большей частью снова стёр.

7 сентября уже на рассвете от корпуса к корпусу полетели адъютанты, чтобы объявить, что сражение начинается. Все войска были в парадном обмундировании (*im großen Paradeanzuge*). Прозвучала команда: «à cheval, par pelotons formez les escadrons! (На коня, поэскадронно справа в колонну повзводно)» – и тут было зачитано воззвание императора...

Едва прозвучало последнее слово, как мощно вступила полковая музыка, и вблизи и вдали зазвучало стотысячеголосое: «Vive l'Empereur!».

В 6 часов раздался первый орудийный выстрел с нашей стороны, и теперь артиллерийский огонь рассыпался на различные тональности 3-х, 4-х, 6-ти и 12-ти фунтовых орудий, какого до этого ещё никто не слышал на земле. От этого почва прямо-таки сотрясалась под нашими лошадьми. Как я позже узнал, с обеих сторон вступили в действие около 1400 огненных пастей.

Наши три кавалерийских корпуса, первый под командованием генерала Нансуги, второй под командой Монбрёна и третий под командой Латур-Мобура, стояли у деревушки Доронино, правым флангом прислоняясь к строевому лесу, полки во фронт (*Regimentsfront*), выступая друг за другом.

До 11 часов наш корпус – второй под командой Монбрёна – странным образом ничего более не сделал, кроме как занял другую позицию, примерно в версте или 1500 шагах левее [прежней], у деревеньки Алексинки, чтобы поддерживать связь между обоими армейскими корпусами маршала Нея и вице-короля Италии Эжена Боарнэ.

Так прибыли мы, наконец, в линию, [чтобы] атаковать русский кавалерийский корпус, и исполнили это с такой стремительностью, что оба командира, как наш генерал Монбрён, так и русский генерал Крейц, остались мёртвыми на месте.

Нашим особым противником были русские драгуны; очень многие были заколоты нашими карабинерами с их длинными палашами (*Espadons*), многие были взяты в плен. Мы потеряли при этих атаках лишь относительно мало людей, так как кирасы обеспечивали очень хорошую защиту от изогнутых драгунских сабель.

¹³ Мафусал (Мафусаил) – потомок Сифа, сын Еноха и отец Ламеха. Возраст его определяется в 969 лет. Тем самым в Библии это человек, долее всех живший на свете.

¹⁴ 33° по Цельсию.

¹⁵ Ошибка мемуариста, на самом деле в дивизию входил 4-й шеволежерский полк, а точнее один его эскадрон.

Русские были обращены в бегство, мы остались хозяевами поля боя, так называемого Семёновского плато, и теперь могли снова некоторое время наблюдать, в то время как нам был придан новый командир в лице графа Огюста Коленкура – брата обер-штабмейстера. Около 2 часов к нему примчался один императорский адъютант, и сразу после этого раздалось: «Garde à vous, Sabre en main, à la charge, au gallop, Marche! (Внимание, сабли наголо, к атаке, в галоп, марш)», и тут мы ринулись на штурм большого укрепления Раевского, который, вероятно, был наспигован 12-фунтовыми орудиями, из которых русские ужасно быстро стреляли по нам сначала сплошными ядрами, а затем тяжёлой картечью. Примерно в 800–1000 шагах до цели один такой неудобоваримый чурбан попал в моего старого сивого коня, который, несмотря на свой пустой желудок, при ужасном громе орудий, вновь стал молодым, и раздробил ему правое переднее бедро рядом с коленом, так что я сел в песок и не смог принять участия в тотчас последовавшем взятии этой сильнейшей неприятельской позиции, на и возле которой нашли могилу так много тысяч [людей]. Здесь пал также наш храбрый командир, генерал Коленкур, который, во главе своих людей первым ворвавшись в редут, встретил смерть от русской ружейной пули.

Когда я вновь поднялся рядом с моим любимым животным, которое стонало от муки и при этом ещё так преданно смотрело, я совсем не по-военному заплакал. Сознаться, я не стыжусь, что несколько раз обнял коня и даже поцеловал. Но, так как мне не оставалось времени на долгие размышления, я быстро принял решение, вынул свой пистолет из ольстр и пустил ему в голову пулю, которая так хорошо попала, что его страдания мгновенно прекратились, что доставило мне немалое удовлетворение. Я снял с него седло и уздечку, и ожидал теперь того, что должно было произойти.

Тем временем наши продвигались всё дальше вперёд, и через совсем короткое время наш полковой врач с несколькими помощниками также оказался рядом с тем местом, где я находился, и реквизировал меня для оказания услуг. Я оттащил свою ношу к амбулансу (медицинской повозке) и тотчас был использован для того, чтобы помогать разгружать повозки.

Сюда прибывали раненые из нашего полка, частью пешком, частью сидя ещё на своих лошадях, но частью их также несли; среди последних был мой незабвенный командир эскадрона фон Беркхайм, писанный красавец, 30-летний мужчина почти 6 футов ростом, урождённый эльзасец, самый дружелюбный и добрейший офицер, какого я когда-нибудь знал. Картечная пуля ударила ему в нижнюю часть живота и застряла внутри. Полковой врач хотел попытаться вынуть пулю, но он не вытерпел и сказал: «Оставьте меня, я чувствую, что должен умереть». Карабинеры, которые его принесли, должны были возвратиться к полку, а я остался возле него, после того, как мы постелили ему немного соломы и положили ему под голову моё большое седло. Бедный человек прожил ещё целый час, в течение которого он переживал ужаснейшие муки. Он подарил мне на память свои золотые часы и при этом на прощание дружески пожал мне руку.

Когда он навеки закрыл глаза, я горько заплакал, так как в лице этого господина фон Беркхайма я потерял своего второго отца. К сожалению, я не смог его похоронить; я должен был ограничиться тем, что вытащил из-под него половину соломы, на которой он лежал, и накрыл ей его тело. Эта горсть соломы была, таким образом, саваном, гробом и могилой одного из благороднейших и подающих надежды людей. А сколь много других способных солдат ещё скончалось этим смертоносным днём 7 сентября!

Ежеминутно к нашему амбулансу прибывали новые тяжело раненые, чаще всего тяжёлой картечью; поначалу их довольно аккуратно перевязывали, но затем, при большой массе раненых, корпии стало не хватать, вынуждены были заменять её паклей, что, вероятно, могло произвести у многих сильные воспаления.

Капитану нашей 6-й роты, чрезвычайно сильному человеку, который во время кантонирования нашего полка в Крефельде стоял на квартире у господина Лендерса в замке Неерзен, который мог собственными руками сломать толстенную подкову, а железную трость согнуть между пальцами правой руки, картечная пуля вырвала оба глаза и часть носа; мы оставили его с этой ужасной раной ещё живым – что с ним случилось, я не знаю¹⁶.

¹⁶ Возможно, это был капитан Экбер-Луи-Филипп-Кретъен Дитрих, попавший в плен.

Французская армия в этот навечно достопамятный день потеряла 49 генералов и 30000 человек. Наш полк, который перешёл Неман силою почти в 1000 человек, при перекличке 8 сентября не досчитался 360 человек и 17 офицеров. Моя рота, 7-я, потеряла всех офицеров, и в конце сражения роту возглавлял старший вахмистр (Maréchal de Logis en chef). Много раненых из нашего полка было отнесено в большой Колоцкий монастырь, расположенный в 2 часах [пути] позади поля боя, который, хорошо ли, плохо ли, был оборудован в колоссальный лазарет, в котором на протяжении 6 недель был задействован в качестве помощника хирурга (aide-chirurgien) наш покойный окружной физик из Крефельда, господин доктор Рубах.

Бородинский день доказал, что сражение решает не превосходство сил, но исключительно ум, особенно хорошее руководство, так как русские привели к сражению 140000 человек, хорошо накормленных и, к тому же, возбуждённых чрезвычайной чаркой водки войск, которым Наполеон мог противопоставить лишь 120000 полуголодных людей. Лошади нашего противника были хорошо накормленные и свежие, наши – загнанные и захиревшие. Русские имели множество укреплений, обильно занятые 6-ти и 12-ти фунтовыми орудиями, против которых мы мало чего могли добиться со своими маленькими 3-х и 4-х фунтовыми [пушками], к тому же, все их следовало взять штурмом; тем не менее, они потеряли 7 сентября 18 генералов, 229 штаб-офицеров с 52000 человек, и в тот же самый вечер, когда долгая кровавая работа была закончена, были прогнаны с части своего бивака, огневые и продовольственные запасы которого достались нам.

На этом биваке мне досталась в добычу сивая русская драгунская лошадь, которую я тотчас превратил во французскую сивую [лошадь] с моим седлом и уздечкой с прибором. Эта лошадь была очень хорошим, откормленным, весьма молодым и потому проворным животным, чем моя прежняя, только меньше примерно на 2 дюйма. В первые дни её характер был злобным, но строгой диетой, перемежаемой с моим мягким обращением, довольно скоро удалось побороть её злое настроение, так что позднее мы вполне хорошо переносили друг друга.

После полудня 8 сентября император проехал рядом с нами; тут послышалось повсюду от значительно поредевших за предыдущий день батальонов и эскадронов, несмотря на их пустые желудки, звучное «Vive l'Empereur!» – Удивительный признак слепой веры, которая во мне, кажется, была вызвана только сурово справедливым руководством на службе и ласковым обращением, которое постоянно уделялось нам вне службы. Одним словом, мы любили всех наших командиров, от вахмистра до фельдмаршала; но императора мы рассматривали как высшее существо.

При всех недостатках и величайших тяготах я не слышал ничего ругательного. Мы видели наших офицеров страдающими вместе с нами, и знали, что это не могло быть иначе. Армия, в которой царил такой дух, была непобедимой, если бы, как в России, высшие силы не свели на нет все жертвы и усилия.

После сражения при Бородино наш противник при своём отступлении был очень деятельным. Мы не нашли на дороге ни одного раненного или убитого. Вероятно, они отнесли их всех в лес. Ни разу мы не видели разбитой повозки или даже части оставленного вооружения или обмундирования – они всё уничтожили.

9 сентября мы заметили город Можайск, странным образом невредимый и открытый, чего мы не могли себе объяснить, так как, начиная от Смоленска, русские сжигали все города и деревни, которые они оставляли. Позднее мы узнали, что в этом городе находилась масса их тяжелораненых, из-за чего они ушли, не поджигая место, как обычно. Но едва первая наша колонна вступила в город, как противник открыл по ней убийственный огонь из гаубиц, вследствие чего, естественно, деревянные дома очень быстро загорелись, и в короткое время превратились в пепел вместе со своими несчастными обитателями, бедными русскими тяжелоранеными, которые не могли спастись. Наш марш от Можайска до Москвы длился с 10 по 14 сентября, за какое время мы вновь ничего другого не ели, кроме мяса павших лошадей.

После того, как мы прошли через весь город, мы устроили бивак у противоположных ворот, рядом с дорогой на Рязань, вплотную к городской стене. Вся наша армия должна была вновь расположиться биваками, только император со Старой гвардией занял Кремль. Прежде, чем мы спешили, нас ознакомили с дневным императорским приказом, согласно которому всякий, кто, удалившись из своего

лагеря, будет застигнут в городе или пригороде, будет наказан расстрелом. Одновременно нам было обещано, что мы должны в кратчайшие сроки получить полагающиеся регулярные поставки, фураж и дрова, а на следующее утро даже квартиры.

Мы надеялись и напрасно ждали обещанного продовольствия до полуночи с пустыми желудками. Было ощутимо холодно, а мы не имели ни одного костра; наши каптенармусы, которые уже много часов назад ушли для получения столь необходимого нам [продовольствия], не вернулись назад, и наше веселье резко прекратилось...

На следующий день, как раз после полуночи, в различных местах города вырвался огонь. Для тушения различных пожаров, прежде всего, был командирован личный состав расположенных поблизости воинских частей. Наш полк также выделил для этого много людей. Но эти люди возвратились уже около часа назад и рапортовали, что нечего и думать ни о каком тушении, так как все насосные трубы сняты с колодцев, а последние почти все засыпаны. Кроме того, они сообщили, что горящие дома полностью меблированы и заполнены провиантом, и из них следует ещё кое-что спасти для нашей пользы. Затем мы получили разрешение, чтобы каждый мог спасти из огня то, что кажется ему полезным.

Теперь я со многими моими товарищами также двинулся за добычей и, благодаря удаче, мы первым делом попали на извозный постоялый двор в пригороде, который, хотя и был закрыт, как все другие дома, но с улицы ещё выглядел исправным, в то время как из надворного строения, как мы позднее узнали, хлебобулочной, уже извивалось пламя. Мы взломали ворота дома топором, который взяли с собой, и нашли в нём ещё невредимую конюшню, а на её полу – овёс, сено, солому и дрова, а в доме – какое великое счастье – несколько полновесных караваев чёрного хлеба, которые мы погрузили на две ломовые телеги, стоявшие пустыми на дворе, вытолкали их через открытые силой ворота на улицу и приставили к ним охрану. Эти русские ломовые телеги были лёгкими четырёхколёсными, в которую запрягалась только одна лошадь и нагружалось предельно 7-8 центнеров...

В ночь с 17 на 18 октября мы оставили наших лошадей осёдланными и нагруженными. Около 7 часов утра 18-го я как раз был занят тем, что варил мучной суп в своём полевом котле, рассчитанном на десять человек, когда наши аванпосты, а затем также и мы были подняты по тревоге.

Мой новый капитан приказал мне оставаться у огня и охранять суп. Он думал, что это будет лишь маленькая стычка и, следовательно, полк скоро вернётся к огню, и тогда он будет иметь время съесть с нами утренний суп. Но дело пошло иначе. Полк не отступал ещё и десяти минут, как начался жестокий артиллерийский огонь, причём настолько близко от меня, что одно 6-фунтовое ядро опрокинуло и разбило мой котёл вместе с супом.

К счастью, незадолго перед тем я немного удалился от огня, чтобы направиться к своей лошади, которая, из-за неожиданного орудийного грома, очень обеспокоилась и грозила разорвать узду, иначе моя карьера, вероятно, была бы окончена при упомянутом котле с супом, и я был бы не в состоянии рассказать благосклонному читателю о моём героическом поведении в сражении у Винково, которое состояло в том, что я, охваченный артиллерийской лихорадкой, сел на моего боевого коня и стал разыскивать свой полк, который, однако, не мог найти.

Между тем, сильная канонада всё ещё продолжалась, с тем только отличием, что, вместо сплошных ядер (Paßkugeln), теперь весьма значительные массы тяжёлой картечи очень весело и совершенно безвредно грохотали по земле, пока они не наталкивались на какой-нибудь твёрдый предмет, с новой силой не поднимались, рикошетировали, как говорится на военном жаргоне, и затем проделывали изрядные пробоины в стоящих илидвигающихся на их пути линиях.

Когда я теперь заметил, что не все эти ядра попадали в цель, я почувствовал, что артиллерийская лихорадка мало-помалу исчезает и, поскольку я всё ещё не мог найти свой полк, то присоединился к одному гусарскому полку и оставался с ним, пока сражение не подошло к концу. Этот гусарский полк потерял в течение дня немного людей, сначала от картечи, а затем потому, что он лишь один раз был послан против казаков, которые со страшным криком «Ура!» прискакали со своими выставленными вперёд ужасно длинными пиками, как если бы они хотели поглотить нас живьём. Но как только гусары открыли по ним огонь из своих кара-

бинов, они сделали поворот и с криком «Марш! Марш!» удрали бешеным карьером.

Вечером я нашёл, наконец, свой полк, точнее, его остатки. Он состоял только из 60 человек, все прочие были побиты русской картечью, среди них также мой новый капитан, который утром ещё так рассчитывал на мучной суп. Правда, наша дивизия в этот день настолько отличилась, что Сегюр сказал в своих мемуарах: «Тем временем Мюрат и карабинеры путём сверхъестественных усилий остановили Багговута, готового врезаться в наш левый фланг».

Однако какой слишком высокой ценой была достигнута эта победа, равно как и последовавшая 23-го и 24-го, после смертоносного сражения при Малоярославце, которая так и не смогла открыть нам дорогу на Калугу, так что вся французская армия вынуждена была уже 25 октября тронуться в печальное отступление по старой, лишённой всяческих средств пропитания, главной дороге на Можайск, в то навеки незабвенное отступление, которое стоило жизни столь многим тысячам людей, и в ходе которого три генерала, Голод, Снег и Мороз, обеспечили русским столь чрезвычайно дешёвую победу.

Вечером 26-го я с 39 другими [солдатами] из нашего полка, из первого карабинерского, первого кирасирского и первого бергского уланского полков, каковые 4 полка, как уже сказано выше, составляли нашу дивизию, был командирован на фуражировку, так как у нас уже вновь возник острейший недостаток. Команду возглавляли лейтенант и 4 унтер-офицера; для этого были отобраны лучшие лошади; из-за этого я собственно и поехал туда, поскольку мой русский белый конь, несмотря на строгую диету, ещё очень хорошо держался.

Мы обещали возвратиться, лишь нагруженные продовольствием; я не думал тогда, что лишь один единственный из нас увидит вновь свой полк. Офицер повёл нас вправо от большой дороги, и мы скакали, вероятно, 2-3 часа вглубь страны через многие разграбленные деревни, пока, наконец, не прибыли в одну таковую, где мы имели счастье найти значительное количество ржи. Здесь наши лошади были размещены по возможности ближе, в конюшни и сараи, необходимый личный состав был командирован для охраны, а все прочие подвое были приставлены, чтобы молотить найденную рожь на ручных мельницах, имевшихся в каждом доме.

Когда набиралась достаточная масса муки для одной выпечки хлеба, она замешивалась, формовалась в круглый 4-х фунтовый каравай, как наш обычный солдатский хлеб, и затем заталкивалась и пеклась в затопленной перед тем большой печи, которая также находилась в жилой комнате каждого русского крестьянского дома. То, что мы все работали со сверхчеловеческими усилиями, поймёт каждый, если я скажу, что после полудня 28-го мы имели готовыми более 2000 фунтов хлеба, и теперь собирались вновь разыскать нашу армию, нагруженные этой дорогой добычей, из которой каждый положил на седло по 50 фунтов в фуражном мешке (Fruchtsacke).

От местечка офицер взял направление вправо, так как он надеялся, таким образом, скорее настичь отступавшую армию, чем по пути, которым мы проезжали 26-го. Мы двигались до вечера, но с нашим тяжёлым грузом двигались, естественно, только медленным шагом, пока не достигли деревни, по-видимому, также покинутой. Наш командир посчитал, что из-за кромешной темноты там следует сделать привал до следующего утра, что нас, естественно, наполнило немалой радостью, так как все мы были уставшими, как собаки, и теперь перспектива пары часов сна в натопленной комнате, чего мы, увы, были лишены уже так много месяцев, обещала нам невыразимое блаженство.

Но, «коварно могущество судьбы» - едва мы разгрузили лошадей, разместились и растопили упомянутые хлебные печи, как услышали, как на колокольне три раза ударили в набат. Как только замер последний звук, сверху этой башни послышался глубокий бас – вероятно, голос местного попа – на латинском языке, каковой язык, к несчастью, никто из нас не понимал. Наш лейтенант посчитал, что вверенный ему отряд, вероятно, в домах подвергнется опасности, и приказал вновь упаковаться и выступить. Выстроившись на дороге, мы заметили теперь, несмотря на темноту, большое число вооружённых крестьян, которые при нашем появлении ушли на церковный двор.

Одновременно с высоты башни повторилась латинская речь, и теперь наш лейтенант со своими тяжело нагруженными лошадьми не захотел дать отпор про-

тивнику, численность которого в темноте, конечно, невозможно было определить, или он, возможно, ещё кое-что понял из мистической речи – я этого не знаю, коротче, мы тихо удалились. Примерно в 20 минутах от деревни мы достигли земляной насыпи, типа дамбы, за которой смогли хорошо укрыться от холодного ночного ветра. Здесь офицер приказал нам выстроиться в две шеренги, так как он из-за кромешной тьмы не хотел двигаться дальше. Один пикет был выставлен фронтом к деревне, и была дана команда спешиться, лошадей держать за повод и тихо опуститься на землю, чтобы таким образом дождаться следующего утра.

Выпал сильный иней, и едва мы заняли наш не очень приятный лагерь, как увидели приехавшего к нам из пикета одного человека, который рапортовал: «Полагаем, что замечен вооружённый отряд, который приближается из только что оставленной деревни к нашей позиции». Лейтенант приказал вновь сесть на лошадей, и едва-едва он выстроил свой отряд в две шеренги и приказал перестроиться поворотом направо, как позади нас с вершины дамбы раздался плотный взводный огонь, и ружейные пули просвистели у нас над головами. К величайшему счастью мы оба, то есть мой сивый конь и я, не были подстрелены ни одной из этих пуль, даже ни разу не задеты, что, вероятно, следует приписать лишь тому обстоятельству, что крестьяне были не особенными стрелками, ибо удаление составляло наверхняка меньше 40 шагов.

После этого залпа я в первый раз услышал роковое «Sauve qui peut (Спасайся, кто может)!»), и когда я увидел всех моих товарищей скачущими напрямик, без дороги, я также помчался в ночь со своим грузом хлеба *ventre à terre* (так, что конское брюхо почти касалось земли)¹⁷. Это длилось совсем недолго, так как мы достигли поля боя, на котором вокруг лежало множество мёртвых людей и лошадей, посреди всяческих обломков от багажных повозок и орудийных лафетов. В одном разграбленном, но ещё прямо стоящем фургоне ещё находился один французский вольтижер из 120-го полка¹⁸, у которого была прострелена левая нога. При нашем приближении бедный человек поднял верхнюю часть своего туловища и умоляюще попросил нас взять его с собой, каковое желание мы, к сожалению, не могли исполнить. От него мы узнали, что сражение на этом месте произошло уже более 24 часов назад, и что оно закончилось отступлением наших. Несчастный человек лишь кое-как перевязал рану своим носовым платком, но мы не могли доставить ему никакого облегчения и, как бы жалко он нас не упрашивал, вынуждены были покинуть его, предоставив его своей судьбе.

Едва через четверть часа, после того, как мы вновь тронулись, мы услышали позади себя русский боевой клич и, оглянувшись, заметили шестерых фланкёров из платовского казачьего полка, которые скакали на нас с выставленными вперёд копьями, а позади них – весь полк. Так как я теперь не имел никакого желания позволить пронзить себя, как жаворонка, я слез с коня и прежде, чем фланкёры близко подъехали к нам, сделал поворот кругом и медленно пошёл навстречу казакам, ведя на поводу моего сивого, каковому примеру немедленно последовали пятеро моих товарищей. Фланкёры остановили своих лошадей в 10 шагах от нас и крикнули нам: «Stoi!». Хотя мы не понимали оклика, но всё же сами остановились, чтобы не попасть под русские пики.

Тем временем прискакал командир полка и спросил нас на французском языке, кто мы такие, откуда едем и т. д. Затем он приказал нам сложить оружие и вновь сесть на коней. Моим товарищам он приказал скакать внутри полка, но мне – по левую руку от себя во главе [полка], и затем по пути начал совершенно спокойно со мной беседовать, из-за какового гуманного обхождения камень упал у меня с души. Однако какое ужасное разочарование последовало вслед за этой приятной прогулкой верхом, которая длилась около часа!

Полк казаков остановился, спешился, привязал своих коней и, когда они закончили с этим, они с жадностью и быстротой начали нас грабить, как, вероятно, ни один отряд разбойников с большой дороги во всём мире никогда не распускался. Мои мундир, сапоги и штаны они стянули с меня. Моим чёрным шёлковым галстуком, который, поскольку я долгое время его не снимал, оказался затянут таким прочным узлом, один из этих негодяев едва не задушил меня, пытаясь его сорвать. Другая bestия хотела своей саблей отрубить мне безымянный палец левой

¹⁷ *Ventre à terre* (франц.) – во весь опор, полным карьером.

¹⁸ Ошибка мемуариста – такого полка не было в составе «Великой армии».

руки, чтобы забрать тонкое золотое кольцо, которое вросло мне в плоть и потому не могло быть быстро снято. К моему великому счастью, один их офицер заметил этот манёвр, подбежал, отпустил моему мучителю огромную пощёчину, схватил мою руку, смочил мой указательный палец своими губами, повертел колечко до тех пор, пока ему не удалось его снять, и надел его себе на мизинец».

ИЗ ЗАПИСОК АББЕЛЯ

«24 июня 1812, в день Святого Жана, мы перешли мост под проливным дождём; неприятель, заметив нас, отступил. Вечером мы расположились биваками в трёх часах [пути] от реки; дождь лил потоками, и не было средств построить кров... Полк достиг Вильны, столицы русской Польши, после нескольких дней марша. Было несколько перестрелок на аванпостах. Противник поспешно эвакуировал город, не успев поджечь мосты на Двине. Перед отступлением русские подожгли депо, набитые мешками с овсом и зерном. И это при том, что после оставления Пруссии мы совсем не находили зерновых культур. Тогда люди, несмотря на огонь, влезали в хлебные амбары, чтобы вырвать горящие мешки – «аппетит есть лучшая из приправ». Я поместил полмешка овса на своё животное; я предпочёл увидеть его павшим под этой ношей, чем оставить его умирать от голода; я вынул из моего чемодана одежду и запасную обувь, чтобы наполнить его табаком. Тем временем, военные мосты были переброшены через Двину...

Во время наступления маркитанты, по существу грабители, отправились вперёд, рассчитывая первыми вступить в город. Их повозки загромождали все подходящие дороги, мешая преследованию. Раздражённый этой помехой, наш дивизионный генерал Дефранс обратился к генералу Шуару¹⁹: «Давайте покажем этим канальям, что их место не на острие армии! Они есть ничто иное, как негодяи и воры. Разграбив города, которые мы завоёвываем, они перепродают нам продукты гораздо дороже, чем они их покупают. Они не стесняются, продавая нам бутылку алкоголя за луидор²⁰. Эти люди, которые должны участвовать в стычках и увозить раненых, постоянно неуловимы в нужный момент! Научим их, как нужно жить! Ваше мнение, генерал?» И Шуар согласился, заявив, что найдёт способ их урезонить.

Он приказал нашему полковнику Бланкару построить свой полк к бою и двинуться вперёд на Витебск. Полк остановился и ожидал около часа; в течение этого промежутка времени он видел сотни проходящих повозок. Внезапно генерал велел протрубить отступление; кавалеристы сделали полуоборот и понеслись галопом, горланя: «Русские наступают! Русские наступают!» Маркитантов, увидевших нас отступающими, охватила паника. Они побросали повозки и фургоны и рассеялись. Некоторые из наших [солдат] попытались повернуть их повозки, но тщетно. Лошади, предоставленные сами себе, взбесились, запутали повозки одну с другой, короче, сделали невообразимый затор, в котором лошади и люди подняли неопишумый крик.

Во время нашего притворного отступления мне удалось раздобыть бочонок рома; вся рота вволю им насладились, как только мы остановились. Тем временем несколько дивизий пехоты выдвинулись вперёд. Грабёж обоза маркитантов стал всеобщим. Имея все преимущества, сапёры и пехотинцы спустили всех лошадей и повозки вниз, по сторонам от дороги, чтобы освободить проход. Мы возобновили наше продвижение и могли наслаждаться зрелищем маркитантов, со-

¹⁹ Жан-Мари-Антуан Дефранс командовал 4-й дивизией тяжёлой кавалерии, Луи-Клод Шуар – её 1-й бригадой, включавшей только 2-й карабинерский полк полковника Амабль-Ги Бланкара. 26 июля Наполеон приказал, чтобы дивизия Дефранса образовала авангард под командой маршала Ж. Мюррата (*Fabry G. Campagne de Russie. Paris, 1900. T. II. P. 231*).

²⁰ Отношение к тыловикам вообще было отрицательным. «Самыми ненасытными из мародёров были маркитанты, санитары и особенно мелкие служащие снабженческих отделов. Это был класс людей, состоявший из подонков, бывших бродяг, чуть ли не из уголовников и бандитов». Х. Роос пишет, что во время отступления раненые «были вверены грубым кучерам, гордым камердинерам, бесцеремонным маркитантам, разбогатевшим спесивым солдаткам... и самому грубому типу солдат – обозным; все они стремились к одному: как можно скорее избавиться от них» (*Kerckove J. R. L. Histoire des malades observés à la Grande Armée française pendant les campagnes de Russie en 1812 et d'Allemagne en 1813. Anvers, 1836. P. 36–37; Французы в России. М., 1912. Т. 2. С. 164*).

жалевших о потере всего своего добра: добыча, собранная после начала кампании в серебре и золоте у дворян и князей, улетучилась. Вопреки тому, что мы думали, противник также улетучился.

28 июля 1812. (Вступление в Витебск).

Мы прошли через Витебск, покинутый русскими. Французские войска, которые предшествовали нам, разграбили город и разожгли многочисленные пожары. Мы перешли реку вброд и построились к бою, тогда как бой развернулся в прибрежном районе: он должен был завершиться поражением неприятеля.

Нам дали приказ расположиться лагерем в Ozias²¹. Мы должны были ожидать перегруппировки армии; затруднения, встречавшиеся в ходе этих форсированных маршей, раздробили подразделения. Во время нашего пребывания [в лагере], к нам подошло значительное количество раненых и изолированных. С момента нашего прибытия в лагерь мы были предупреждены, что должны позаботиться о сборе, любым способом, продовольствия на пятнадцать дней, [так как] всякое распределение продуктов в течение этого времени прекратилось. Нам дали «карт бланш».

Поручив наших животных кавалеристам, трусливым для мародёрства, сняв свои сабли, мы отправились на авантюру, я и мой компаньон. Добравшись до реки, мы имели счастье найти лодку, привязанную к нашему берегу. Ни один француз ещё не переходил через это место. Мой товарищ колебался, переходить ли реку; я сумел его убедить. Мы пошли через лес в поисках жилища. Мы скитались в течение долгого времени – мы не хотели возвращаться ни с чем – пока не обнаружили одну деревню. При виде нас изумлённые крестьяне с восторгом загорлалили: «Как медведи». Они ещё никогда не видели французских солдат: их господа убеждали их, что наша армия разбита и отступила. Позднее мы узнали, что они наплели им, будто французы дикари, которые забирают маленьких детей, чтобы поджаривать и есть их²². Они думали таким способом попытаться ожесточить крестьян и призвать их нападать на нас. Перед криками и жестикациями этих людей мы пребывали в растерянности, так как оставили своё оружие в лагере. Если бежать, то они пустятся по пятам. Мы приняли решение идти к ним, надеясь создать впечатление, что раз мы не возвращаемся, то за нами следуют другие французы. Эти несчастные крестьяне, мужчины и женщины, бросились к нашим ногам. Мы поняли по их жестах и крикам, что они умоляют нас о сострадании.

Ободренный страхом этих крестьян, я посоветовал моему компаньону оставаться на месте, на часах, в то время как я обыщу жилища. По чудесной случайности, я заметил на лугу лошадей. Я выбрал самую лучшую и заставил крестьян запрячь её в одну их телег. Мы сами были не в силах этого сделать по причине странной и забавной манеры, с которой они это производили. Мы постоянно общались жестами, так как в тот момент я ещё не говорил на их языке; я велел подвести упряжку к ближайшему дому. Я последовательно обыскивал дома. Я велел отнести в телегу все съестные припасы, за которые мы смогли заплатить некоторые деньги. Впрочем, женщины более заботились о своих колыбелях, чем обо всём остальном. Я заметил их отчаяние, когда слишком близко приближался то к одной, то к другой, занятой, занятой ребёнком. Мы удалились во всю прыть, оставив этих бедных людей с их криками и стенаниями.

К несчастью, мы не могли вернуться на нашу дорогу. Выехав на равнину, мы различили примерно в трёх четвертях часа расстояния одно поместье. Хотя мы были вполне снабжены продуктами, мы решили направиться в усадьбу, думая обнаружить там что-нибудь получше, чем-то, что мы смогли награть в жилищах крестьян. Бахвалясь, как следует, мы смело направили нашу упряжку в поместье. Мы увидели господина, вышедшего нам навстречу. Выражаясь по-немецки, он пригласил нас войти и разделить с ним стол. Зная в течение долгого времени эти

²¹ Дивизия Дефранса располагалась 30 июля в м. Колышки, с 31 июля – у с. Никулино на озере Ортаев. В тот день Мюрат сообщил императору: «Для того чтобы собрать запасы и образовать магазины по армейским корпусам или по назначенным местам расположения, и чтобы избежать недоразумений, я велел указать каждому корпусу часть страны, с которой он должен кормиться» (*Fabry G. Op. cit. T. II. P. 341, 364–65*).

²² Пленные рассказывали Ж. М. Шевалье, что русский народ «считал, что французы были гнусными, дикими, жестокими варварами, поедающими детей, и с отвратительной внешностью, одним словом, своего рода неприступными монстрами» (*Chevallier J. M. Mémoires des guerres napoléonienne. Paris, 1970. P. 252*).

привычки, я ответил ему, что мы не можем терять времени, и попросил его быстро приготовить нам еду. Тогда он велел приготовить пищу. Мой компаньон должен был остаться на часах снаружи жилища; я посоветовал ему избавить телегу от нашей добычи, рассчитывая найти лучшую в поместье.

Господин пригласил меня пойти к столу; я вежливо отказался, прибавив, что предпочитаю сначала снабдить себя продуктами и вином, не забывая о деньгах. Я сказал ему, и он согласился, чтобы мы посетили его погреб; он содержал всё, что я только мог пожелать. Я велел слугам нагрузить всё и пошёл, наконец, к столу. Я разрезал мясо, когда прибежал мой компаньон, крича: «Противник приближается». Действительно, я различил нескольких кавалеристов, которые спускались с холма. В спешном порядке мы пригнули в нашу телегу и взяли направление к французам. Пока один стегал лошадь, другой выкидывал за борт часть груза, чтобы ускорить движение. Лошадь, хотя и крепкая, начала задыхаться. Благодаря чудесному случаю, мы добрались до расположения лодки. Она всё ещё находилась на нашей стороне! Казаки продвигались не торопясь. Они не знали о наличии лодки и наверняка рассчитывали спокойно нас задержать. Живенько мы загрузили добычу и оттолкнули лодку. «Бородачи (barbus)» были числом двенадцать. Прибыв на берег реки, и увидев нас, улепётывающими по реке, они разрядили свои ружья и пистолеты, но нас не достали. Прибыв на противоположный берег, мы разгрузили добычу. Выставив напоказ самые аппетитные куски в сторону казаков, мы показали им кулак. Взвалив добычу на плечи, мы вернулись в лагерь.

Думается, что когда мы прибыли, помещик известил казаков в то время, когда мы грабили усадьбу. Мой товарищ припомнил, что видел крестьянина, взявшего путь туда, откуда затем вышли казаки. Для нас, без сомнения, помещик был изобличён. Мы должны были ему отомстить. Без задней мысли мы поехали вручить несколько хороших кусков капитану. Он принял [подарок], но спросил о его происхождении. Мы рассказали ему о нашей вылазке. Он спросил, сможем ли мы вернуться на дорогу, по которой следовали; после утвердительного ответа он решил дать нам пятьдесят кавалеристов, чтобы поехать разграбить поместье и предать его огню. Он хотел сопровождать нас, чтобы расстрелять владельца усадьбы, который донёс на нас. Мы смогли уверить его, что добраться туда легко, но всё же заметили, что нет никакого способа переправить лошадей. Он велел нам ехать на рекогносцировку, чтобы открыть при случае мост.

На следующий день мост был обнаружен, и пятьдесят вооружённых кавалеристов выступили. Мы нашли поместье незанятым; они ушли совсем недавно: обед ещё варился на огне. Вывод: они увидели наше приближение и рассеялись. Грабёж был проведён быстро. Добыча была нагружена на шесть телег. Мы испытали много затруднений, запрягая лошадей помещика; русские используют, как я уже говорил, совсем особую систему упряжки. Предав постройки огню, мы возвратились в лагерное расположение. Добыча позволила нам свободно питаться в течение всего времени пребывания в лагере. К сожалению, начиная со второго дня, больше ничего невозможно было обнаружить в округе двадцати часов [пути].

В лагере мы несли охрану сутки через двое, проводя в седле по двадцать два – двадцать четыре часа. Мы знали о казаках вокруг нас; днём и ночью мы ожидали их внезапного нападения; часто нас вынуждали завязывать бой; всю ночь лошади оставались осёдланными. Если же дело не доходило до боя, то мы боролись против недомоганий: несмотря на жару, мы должны были оставаться в униформе; сверх того, нас изводили паразиты. Тем временем, мне улыбнулась удача. Однажды, будучи помещённым в ведеты²³, я был сменён за полчаса до полуночи; пять минут спустя после моего отъезда товарищ, который принял смену, был захвачен четырьмя казачьими офицерами. Впоследствии мы узнали, что на предупредительный оклик «qui vive» они ответили: «Шесть французских офицеров» и бросились на часового. После пребывания в этом лагере около трёх недель, наши продукты истощились.

К сожалению, мы получили приказ двигаться к Смоленску. После трёх часов марша, мы нашли всю армию в сборе; она была усилена некоторым числом свежих войск. Все подразделения тронулись в направлении на Красный. Противник, который удерживал город и правый берег реки, ожесточённо сопротивлялся, понеся сильные потери. Местность, эвакуированная русскими, была немедленно

²³ Ведеты – ближайший к неприятелю кавалерийский пост.

предана разграблению. Мы раздобыли радостной ночью на биваке можжевелевую настойку, табак, пиво, съестные припасы. Поэтому мы совсем не думали о шести товарищах нашей роты, павших в течение этого дня. На следующий день мы перешли реку вброд возле водяной мельницы. Равнина, через которую мы проходили, была покрыта трупами, свидетельствующими о напряжённости сражения.

15 августа... Прибыв в окрестности города, мы увидели русских, занимающих выгодную позицию поблизости от водяной мельницы... Русские были отброшены к крепости. Мы провели ночь на небольшой, очень плодородной равнине, вытянувшейся немного вглубь. Генерал Монбрён, прекрасный и храбрый воин, который командовал лёгкой кавалерией, обратился к нашему полковнику, призвав его проявить заботу о лошадях, заявив, что на следующий день будет «жарко», и что мы имеем большую нужду в наших животных. Нам был дан приказ особо позаботиться о лошадях: меньше чем через полчаса не осталось никакого зерна и плодов, находившихся в окрестностях нашего лагеря. Растянувшись возле своих лошадей, мы беседовали о близком мире; мы ожидали решительного сражения.

В 2 часа утра 16 августа мы сделали первый выстрел из пушки. Несколько мгновений спустя канонада уже раскачивала землю под нами «как колыбель». Для нас это было сражение дребезжания (*cliquetis*). По причине огня, ночью было светло, как днём...

21 августа французы вступили в верхний город, после того, как сожгли нижний город. Большое количество русских погибло в пожаре. Они не могли спастись по мосту, русские, не колеблясь, разожгли там огонь, чтобы остановить продвижение французов. Число неприятелей, погибших в этом пожаре, полагают в двадцать тысяч²⁴. Из этого числа те, которые находились на улицах возле моста, не смогли через него перейти, задыхались от жара и дыма, бросились в воду и утонули. Река разлилась из-за большого числа трупов. Русские отступили перед появлением французов...

[26–27 августа] Преследование продолжается, почти непрерывные бои с арьергардом, в ходе которых русские увозят с собой население и скот... Мы спим даже на земле; целыми часами рыскаем по лесам в поисках деревень, постоянно подвергаясь опасности [наткнуться] на крестьян или неприятеля. Не солоно хлебавши, мы возвращаемся в лагерь, покинутый войском. Если мы имеем зерно, то его следует молотить, чтобы сделать хлеб без закваски. Если мы имеем муку, то следует найти печь; если мы раздобыли мясо, то у нас нет кастрюли. И постоянная служба в патрулях, охрана против поджигателей. Большая часть деревень была покинута жителями, которые разламывали всё, что они не могли увезти. Разыскивая воду для себя и своих лошадей, мы часто натыкались на колодцы, загрязнённые навозом. Крайности такой жизни превратили нас в мельников, булочников, мясников или в творцов своей судьбы (*artisans de fortune*).

Ожесточение, которое вызывало в нас это плачевное существование, ежедневное лицезрение наших убитых товарищей, делали нас несговорчивыми. В ходе наших грабительских рейдов мы всё предавали огню; нередко случалось видеть равнину, пламенеющую пожаром целого ряда деревень. Бесконечная протяжённость этих лесов, эти пустынные равнины благоприятствовали тактике казаков: мы находили их повсюду, а они постоянно застигали наших врасплох и их убивали. Однажды ночью двенадцать кирасир за четверть часа были убиты на биваке. Мы нашли их ранним утром; они вернулись после грабежа одного поместья. В течение этой ночи мы удачно ненадолго отлучились. Один товарищ и я направились в одну деревню, расположенную примерно в получасе [пути] от нашего бивака, мы нашли там хорошую печь для печения хлеба. Мой товарищ вышел, чтобы найти воду. Внезапно он услышал, как казаки закричали своё «Ура!» Бежать было невозможно; мы притаились, мёртвые от страха, в зарослях конопли. На

²⁴ «18-го [августа] французская армия, – вспоминал Шевалье, – вступила в город и приложила все свои усилия, чтобы остановить продвижение огня и спасти многочисленных русских раненых, которых пожирало пламя и которых московиты покинули с подлой жестокостью. Их свезли в дома, которые пощадило пламя, вперемешку с нашими ранеными. Таким образом, несчастные русские, повинувшись варварским приказам императора Александра, поджигали свои дома и своих собственных раненых. Действительно, этот великодушный и чувствительный Александр... отдал своей армии приказ разрушать и сжигать всё на своём пути, угонять всех жителей, которые безропотно покорялись, как презренные рабы, уходили со своими семьями в густые леса, где они умирали от нищеты и голода!... (вот она, русская гуманность!)» (*Chevallier J. M. Op. cit. P. 187*).

рассвете, не услышав больше ни малейшего шума, мы отправились на охоту. Нам нужен был хлеб. Во многих домах мы нашли французов, убитых казаками. Случайно мы обнаружили печь, наполненную свежеспечённым хлебом. Мешки волокли по земле. Нагруженные добычей, мы быстро возвратились на наш бивак. Все удивились нашему возвращению: распространился слух, что все кавалеристы, которые мародёрствовали в деревне, подверглись внезапному нападению и убиты казаками.

Несколько дней спустя, когда я обыскивал один одинокий дом, я нашёл в риге одного гусара, тело которого было изрешечено ранениями: он был убит ударами вил. Охваченный страхом и опасаясь нападения, я вооружился своей саблей. Пробираясь один через лес, я добрался до совершенно покинутой деревни. Я обыскал все дома: случайно обнаружил два хлеба в одной печи. Каково же было моё изумление, когда внезапно появилась женщина с ребёнком на руках. Она бросилась к моим ногам; по её жестам – она подала мне мою саблю – я понял, что эти два хлеба составляют её единственную пищу. Несмотря на голод, я оставил их, охваченный состраданием...

В продуктах ощущался полнейший недостаток. Я был назначен с дюжиной кавалеристов ехать на фуражировку. Среди нас находились старший адъютант по имени Вилкхем (Vilkhem), сын приора, очень храбрый, несмотря на свою молодость, и особенно мыслённый вахмистр. С наступлением вечера мы покинули деревню и углубились в лес. В течение долгого времени мы рыскали, не находя ничего, когда, на выходе из леса, мы достигли прекрасного поместья и недалеко оттуда одной деревни... Какая перспектива добычи! Помещик вышел нам навстречу, пригласил нас поместить лошадей в конюшню и зайти подкрепиться. Адъютант проявил недоверие; он слез с лошади, но нам запретил спешиваться. Он вошёл в поместье, а нам велел принести кушанье и выпивку; он посетил подвалы и нашёл их набитыми всяким добром. В это время помещик спешно послал слугу к казакам. К счастью, мы их заметили. Мы призвали адъютанта; отряд удирал галопом, проехал деревню и построился к бою, ожидая удара. Хотя они имели, по меньшей мере, пять против одного, казаки колебались ехать «любоваться собой» в наших медных зеркалах; они ретировались в лес. Адъютант ободрил нас: «Не бойтесь этих разносчиков паразитов, это дрянные солдаты, даже если они будут в шесть раз более многочисленными не отступайте перед ними, а познакомьте их со своими палашами (lattes)!»

Мы возвратились в поместье, чтобы отблагодарить – на свой манер – помещика за его любезность. Мы уже прибыли туда, когда увидели вышедший импозантный отряд этих проклятых каналов. Нас было всего тринадцать перед лицом этого отряда. Пятеро или шестеро наших имели лошадей, «не стоящих и понюшки табака», так как невозможно было убежать на таких животных. Это была единственная перспектива, которая нас ожидала. Что до меня, то я доверял своему животному, которое меня никогда не подводило. «Медведи» постепенно окружали нас, не осмеливаясь, однако, атаковать нас. Мы были зажаты, как угри в силке. Их нерешительность заставила нас предположить, что они опасались присутствия в деревне пехотинцев. Адъютант, осознав страх, который овладел нами, крикнул: «Смелее, друзья! Выньте ваши палаши (espadons), чтобы пустить кровь этим злодеям! Если остаться, это будет поле чести! Наши скелеты не будут оплакивать в наших деревнях!» Но он заметил, что мы окружены; он побледнел и заорал: «Атакуем этих каналов, мы запросто разорвём этот круг!» Мы атаковали полным галопом: круг был прорван. Многие казаки были зарублены, но, увы, мы потеряли шестерых кавалеристов и двоих оставили пленными. На полном скаку мы рассеялись...

Наш генерал осведомился о судьбе адъютанта. Я поведал ему о нашем приключении. Генерал с радостью узнал, что адъютант был среди спасшихся. Четверо моих товарищей по мародёрству возвратились по одному. Несколько дней спустя, четверо кузнецов, оставшихся позади, были убиты этими разбойниками-казаками. Армия концентрировалась в окрестностях Красной (Красной)²⁵. Эта местность была взята с бою, войска двинулись, выступив 31 августа в направлении

²⁵ Может быть, Красная Слобода у с. Царево-Займище.

на Можайск. 2 сентября нас разместили биваком примерно в трёх льё от города²⁶...

[6 сентября] Генералы осознали печальное состояние наших лошадей, как своих, так и наших. Они решили послать на поиски фуража по восемь человек из [каждой] роты. Около часа пополудни шестьдесят четыре человека отправились с оружием и багажом, назначенные для отправления, если следовало, в тылы неприятеля. В течение пяти или шести часов мы тщетно ехали крупной рысью через лес. С наступлением вечера мы оказались на поляне, где сено, более сотни вязанок, было свалено в кучу. Каждый нагрузил по две охапки. Сияющие, мы снова взяли направление к полку. Мы добрались, с трудом удерживая свои вязанки... В первый раз мы испытали ощущение замёрзших ног. Мы проехали через большое количество войск, чтобы, наконец, присоединиться к полку около полуночи. Мы нашли войска в парадной униформе (*en grande tenue*). Ожидали смотра, который император должен был провести в час утра. Наши животные, из-за нехватки времени, не смогли получить этого сена, раздобытого с таким трудом...

Я в спешном порядке заменил свою затвердевшую от холода одежду; едва я привёл в порядок свои сапоги, как барабанщики пробили, а трубачи протрубили приказ садиться в седло. Несмотря на крики офицеров, я позволил себе [съесть] несколько ложек горячего супа. Все были на лошадях, мы поехали шагом, чтобы соединиться на поле. Нам сказали, что соединились триста пятьдесят тысяч человек. Мы ожидали «кровавого смотра»... Армии зачитали прокламацию...

После удара, который продолжался с рассвета до восьми или девяти часов, мы остановились, чтобы предоставить проход пехоте и её повозкам. Приехал генерал Монбрён, эскортируемый отрядом конных егерей. Проезжая мимо нашего полковника Бланкара, он адресовал ему примерно такие слова: «Я надеюсь, что сегодня мы заставим русских танцевать по-немецки. Итак, слишком долгое время они нас соблазняют. Надеюсь, что завтра вечером мы придём в их столицу». После чего он стал во главе своей кавалерии. Менее чем через десять минут наш полковник возвратился в сопровождении его адъютантов: он нёс шляпу Монбрёна. Он едва не плакал, когда объявил о смерти этого героя! Это событие нас явственно взволновало, но не могло помешать нам, подумать: «Это счастье пасть на поле чести! Для него страдания закончились». Генерал Коленкур тотчас занял его место. Время «исчислялось по меньшей мере сотнями», а «он имел штаны из такого же драпа». Третий испытал ту же судьбу. Что должно было случиться с четвёртым? Я не знаю... Русские разместили свои орудия на батареях (*batteries sur batteries*); они были захвачены и вновь отбиты в ходе оживлённых столкновений. Сколько людей пало! Говорят, что 10.000 убито за двух противников, использованы тысяча сто орудий...

Мы несколько раз атаковали неприятельскую кавалерию. Около двух с половиной часов пополудни я был ранен в первый раз. Мы атаковали императорских драгун; я несколько отдалился, чтобы преследовать было более удобно. Удар сабли отрубил поводья моей лошади, ранив меня в большой и левый указательный палец. Я тотчас вновь взял уздечку в окровавленную руку и пришпорил свою лошадь. Мой противник вообразил себе, что может от меня ускользнуть, но он отъехал не далеко, так как не имел, как мы, кирасы, и не смог избежать колющего удара моей сабли. Я возвратился со своей окровавленной шпагой и вновь встал в строй. Лейтенант, увидев меня раненым и лишившимся поводьев, хотел отослать меня в амбуланс. Я ему возразил, что ранен не серьёзно и смогу быстро вновь найти поводья на замену. Около получаса спустя польские уланы, которые шли впереди нас, атаковали пять батальонов, построенные в каре. Позади этой пехоты находились пять полков русских кирасир. Поляки сообщили, что они не смогли вломиться в каре и отступили. Нам был дан приказ заменить их. Противник, уви-

²⁶ 3 сентября А. Бертье написал: «Император поручил мне сообщить гг. маршалам и генералам, командующим корпусами, что мы ежедневно теряем много людей вследствие отсутствия порядка в способах сбора продовольствия... Число пленных, захваченных неприятелем, доходит ежедневно до нескольких сот. Императору угодно, чтобы под угрозой самых строгих взысканий солдатам было запрещено уходить в сторону. Следует посылать за припасами, согласно положению о производстве фуражировок, от корпусов, когда армия сосредоточена, и от дивизий, когда она разбросана. Фуражирами должен командовать генерал или штаб-офицер и достаточные силы должны прикрывать неприятеля от крестьян и казаков. Самое лучшее при нахождении на месте жителей взять, что они могут поставить, но не причинять излишнего зла стране» (Согг. 19176).

дев приближающиеся «горы из меди и стали», сменил позицию и разместился между оврагом и ближайшим лесом. С тех пор мы могли атаковать их только одним полком во фронт. Пять атак не имели успеха, так как нас поражали их штыки. Они стояли массаами в десять рядов и стреляли только в момент, когда мы достигали первого ряда, сбивая, таким образом, наш порыв. Зазвучал [сигнал] сбора. Мы вновь выровнялись на берегу оврага, «небольшой дугою огибая» пехотинцев. Я повернулся, чтобы поболтать с одним кавалеристом во втором ряду по имени Леруа (Leroy). Я шутливо сказал ему «в шуточку», что русские делают много чести Его Величеству и нам, «приветствуя» тем манером, которым они встречают нас... В тот же момент я получил ранение в руку двумя пулями и одним пыжом; пули прошли насквозь, а пыж врезался.

Капитан и мои товарищи посоветовали мне покинуть поле боя. Они сказали мне, что моя рука держится, очевидно, только на коже. Я попытался проверить это, встряхнул своей раненой рукой и крикнул им: «Вы обманываете, я чувствую, что она совершенно не раздроблена». Но рука раздулась... Я сказал «до свиданья» моим товарищам и сделал на своей лошади полуоборот, когда мой товарищ по оружию выпустил стремяна, поражённый пулей. Я бросился, чтобы помочь ему, но тщетно: «Ко мне. Мои храбрые товарищи!», - такими были его последние слова. Когда я в первый раз отъехал из полка, моя лошадь заупрямилась и вернулась туда. Я уколол её шпорами, и она внезапно понеслась в направлении противника. Захлопали выстрелы. Я уронил мою «короткую саблю (courrechoy)» и, повернув животное правой рукой, и пустился в галоп, чтобы покинуть поле боя. Когда я переезжал овраг, один артиллерийский капитан крикнул мне: «Карабинер, куда вы бежите так быстро?» Я сказал ему, что направляюсь в амбуланс, имея оторванными два пальца. «Да,- сказал он мне,- не малая ли это цена, чтобы покинуть свой строй?» Я ответил ему, что да, и, во всяком случае ему никогда не добиться большего, поскольку он из [числа] «чёрных воротничков». Я направился к горячей деревне. По пути я повстречал императорскую гвардию.

Я остановился на полчаса, чтобы поболтать с [человеком] по имени Бойен (Boyen). Он происходил из Сен-Трона и долгое время служил в нашей роте. Я добрался до деревни и упал в месте, где более сотни «мясников», я имею в виду хирургов, занимались ампутацией одной ноги за другой, одной руки за другой. Тележки были перегружены ампутированными членами. Солдаты, чёрные от пыли, не имея больше человеческого облика, лежали на земле. В течение часа я видел только то, как пилят и отрезают. Я слышал только стоны и вопли. Некоторые требовали воды, другие – пищи. Некоторые призывали своих родителей. Некоторые, будучи в бреду, вопили и ругались. Один из этих «мясников» повернулся ко мне; оглядев мою руку, он сказал мне: «Её следует отрезать, другого выхода нет». Я упрямо от этого отказался. Он согласился, промыл мою рану тёплой водой и обернул её повязкой. Он посоветовал мне не снимать повязку ранее восьми дней.

Я собрался уйти, когда он заставил меня поддержать бедного малого, которому ампутировали ногу: этот раненый умер на моих руках; его бросили в сторону, как простой чурбан. Один гренадер был положен, ожидая, когда ему ампутируют бедро. В то время, как хирург готовил свои инструменты, он спокойно разжёг свою трубку. Во время операции он не сопротивлялся, хотя и не был связан на «столе для мяса», он дымил, не произнеся ни слова. Дело было закончено, он потребовал стакан «шнапса». Я вернулся к своей лошади и устроился на земле. Я был голоден, испытывал жажду, страдал, не знал, куда ехать. Спустя некоторое время притащилось множество раненых карабинеров. Они сообщили мне, что ван ден Абеле (Van den Abeele), мой товарищ в течение четырёх лет, ранен и умирает на поле боя.

Я сел на лошадь и отправился его искать. Мне не удавалось его обнаружить. Несколько ядер упало тут и там. На опушке одного леса я увидел хирургов, всех в поту, заботящихся о раненых. Должен сказать, что от многих медиков исходил запах воронов! После долгих поисков случай позволил мне обнаружить моего товарища. Когда я проезжал, он поднялся. Мы, рыдая, обнялись... Ядра продолжали падать, мы покинули это место. Мы направились в деревню так быстро, как могла двигаться моя лошадь, и провели там ночь.

Но, вернёмся к военным операциям. Напомним, что утром седьмого сентября две армии находились лицом к лицу. Они занимали площадь, более или менее квадратную, со сторонами около четырёх или пяти часов [пути]; эта территория

была усеяна пихтовыми перелесками и перерезана глубокими оврагами. Тут и там находились деревни. Наша позиция была явно неблагоприятной. С предыдущего дня император разместился на круглом холме в трёх палатках; на его левом фланге находилась Неаполитанская армия под командой Мюрата, на правом – вся французская армия. Чуть позже четырёх часов утра борьба завязалась по всей линии; она длилась весь день. С окончанием дня противник эвакуировал Можайск, который был подожжён, как и все окрестные деревни. Наши [войска] продвинулись примерно на три-четыре часа марша; французская армия располагалась биваками по эту сторону от города. Как всегда, она не получила продуктов. Борьба возобновилась на следующий день. Хотя они нагромоздили батареи, русские были вынуждены отступить. 14 сентября французы вступили в Москву. Потери были серьёзными.

Теперь вернёмся к раненым. Я слышал разговоры, что казаки окружают и убивают раненых, пытающихся возвратиться во Францию. Все те, кто мог двигаться, решили добраться до Москвы, чтобы лечиться в госпиталях. Каково же было душевное страдание нетранспортабельных, видеть себя покинутыми! Я не могу передать уныние этих несчастных, смотревших, как мы уходили! Земля была покрыта трупами и частями человеческих тел. Находиться в шести или семи сотнях льё от родины, умирать от голода, имея одежду в лохмотьях, страдать от холода, без ухода, опасаться в любой момент быть уничтоженными крестьянами или казаками, такой была кровавая судьба, которая ожидала искалеченных. Моё перо беспомощно описать ужас всех этих несчастных, которые присутствовали при нашем отъезде, так как все, кто мог тащиться, удалялись.

Я должен был уступить своё животное одному безлошадному вахмистру. Я присоединился к нескольким раненым, и мы поставили палатку. Около двух часов пополудни Мюрат вступил в Москву на цыпочках (*sur la pointe des pieds*), так как он ожидал подвоха. Туча мародёров последовала за ним. В два счёта биваки были переполнены всем. Кончились думы о нищете! Во всех палатках пели, пировали; это было своего рода гулянье....

Ранним утром 23 октября 1812 мы, большей частью раненые и безоружные, выступили отрядами из 20, 30 или 40 [человек] по дороге, которая должна была нас привести обратно во Францию²⁷. Никто из нас не имел продовольствия²⁸».

Публикация А. И. Попова

«ДНЕВНИК НАЧДИВА 5-Й БУРЕНИНСКОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКА ЕМУРАНОВА»

Тема борьбы Уральского казачества в годы Гражданской войны с большевизмом одна из самых малоизученных. Тем не менее отдельные фрагменты этого противостояния в виде воспоминаний и дневников представителей красного и белого лагерей, протоколов допросов пленных, материалов печати, позволяют восстановить частичную картину происшедшего. В этой связи представляется любопытной деятельность отдела по собиранию и изучению материалов истории партии и революции Саратовского губкома, а затем Нижневолжского крайкома ВКП (б) в 20-30-е гг. прошлого века. К сбору информации привлекались и непосредственные участники революционных событий. Большую помощь испарту оказывал И. С. Кутяков²⁹, работавший в то время

²⁷ Судя по этой фразе, автор вышел из Москвы вместе с отрядом маршала Э. Мортье.

²⁸ *Abbott J. L'Odyssée d'un carabinier à cheval. Bruxelles, 1969. P. 100–122.*

²⁹ **Кутяков Иван Семенович** (1897–1938). Род. в с. Красная Речка (с. Шалаши?) Николаевского уезда Самарской губ. (сейчас – Пугачевский р-н, Саратовской обл.). Унтер-офицер царской армии. В Красной армии добровольно с апреля 1918. Начальник пешей разведки, комбат и командир 2-го Николаевского полка. В октябре 1918 назначен командиром 1-й (73-й) бригады 25-й Самарской стр. див. После гибели Чапаева возглавил 25-ю див., и командовал ею до ранения 25 июня 1920 на польском фронте. В 1923 окончил Военную Академию РККА, в 1926 – кавалерийские курсы усовершенствования РККА. В 1924 командовал Хорезмской группой войск по борьбе с басмачеством. Впоследствии командир 4-го и 2-го стр. корпусов, заместитель командующего Приволжским ВО. Комкор (1935). Награждён тремя орденами Кр Знамени, орденом Хорезмской республики, почетным револ. оружием. Арестован 15.05.1937. После применения мер физического воздействия признался, что «являлся участником контрреволюционного военно-фашистского заговора и одновременно состоял участником